

ВИТАЛИЙ
БИАНКИ

ПО СЛЕДАМ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1930 г.

UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1911

1911

1911

1911

ВИТАЛИЙ. БИАНКИ

НА ЭТОМ
НЕ ВЫДАЕТСЯ

П О

Б-59

С Л Е Д А М

Обложка и рисунки

А. Гончарова

1930

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

КАТАЛОГ

ЖС
Б-59, В П

м

22907.

1967-68 г.

Отпечатано в Госуд. типографии
имени Евгении Соколовой
Ленинград, пр. Кр. Командиров, 29.
Редплан № 711. Главлит № А 51885.
Тираж 35.000—1/2 л. Заказ № 1131.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
АДМ. ДЕПАРТАМЕНТА
ДЕТРИВА

ПО

СЛЕДАМ

Скучно Егорке целый день в избе. Глянет в окошко — бело кругом. Замело лесникову избушку снегом. Белый стоит лес.

Знает Егорка поляну одну в лесу. Эх, и местечко! Как ни придешь, — стадо куропачей изпод ног: фррр! фррр! — во все стороны. Только стреляй!

Да что куропатки! Зайцы там здоровые. А намедни видал Егорка на поляне еще след, неизвестно чей. С лисий будет, а когтищи прямые, длинные.

Вот-бы самому выследить по следу диковского зверя. Это тебе не заяц! Это и тятка похвалит.

Загорелось Егорке — сейчас в лес бежать!

Отец у окошка сапоги валеные подшивает.

— Тять, а тять?

— Чего тебе?

— Дозволь в лес куропачей пострелять?

— Ишь, чего вздумал, на ночь глядя-то!

— Пусти-е, тять! — жалобно тянет Егорка.

Молчит отец; у Егорки дух заняло — ой не пустит?..

Не любит лесник, чтоб парнишка без дела валялся. А и то сказать: охота пуще неволи. Почему мальчонке не промяться? Все в избе да в избе...

— Ступай уж! Да гляди, чтоб до сумерок назад. А то у меня расправа коротка — отберу фузею и ремнем еще настегая.

Фузея — это ружье. У Егорки свое, даром что парнишке четырнадцатый год. Отец из города привез. Одноствольное, бердана называется. И птицу и зверя из него можно. Хорошее ружье.

Отец знает: бердана для Егорки — первая вещь на свете. Пригрози отнять — все сделает.

— Мигом обернусь, — обещает Егорка. Сам уж полушубок напялил и бердану с гвоздя сдернул.

— То-то, обернусь! — ворчит отец. — Вишь, по ночам волки в лесу воют. Смотри у меня!

А Егорки уж нет в избе. Выскочил на двор, стал на лыжи — и в лес.

Отложил лесник сапоги. Взял топор, пошел в сарай сани починять.

Смеркаться стало. Кончил старик топором стучать. Время ужинать, а парнишки нет.

Слышно было: пальнул раза три. А с тех пор — ничего.

Еще время прошло. Лесник зашел в избу, поправил фитиль в жировушке, зажег его. Вынул каши горшок из печи.

Егорки все нет. И где запропастился — юганец?

Поел. Вышел на крыльцо. — Темь непроглядная.

Прислушался — ничего не слышать.

Стоит лес черный, суком не треснет. Тихо, а кто его знает, что в нем?

— Вууу-уу! —

Вздрыгнул лесник. Иль показалось?..

Из лесу опять — вуу-уу!..

Так и есть: волк! Другой подхватил, третий... целая стая!

Екнуло в груди — не иначе, на Егоркин след напали звери! — Вуу-воу-уу!

Лесник заскочил в избу, выбежал — в руках двухстволка. Вскинул к плечу, — из дула пошел огонь, грохнули выстрелы.

Волки пуше. Слушает лесник: не отзовется ли где Егорка?

И вот из лесу, из темноты, слабо-слабо... бумм!

Лесник сорвался с места, ружье за спину, подвязал лыжи — и в темноту, туда, откуда донесся Егоркин выстрел.

Темь в лесу — хоть плачь! Еловые лапы хватают за одежду, колят лицо. Деревья плотной стеной — не продерешься.

А впереди — волки. В голос тянут: вуу-ооуууу!

Лесник остановился; выстрелил еще.

Нет ответа. Только волки. — Плохо дело!

Опять стал продираться сквозь чащу. Шел на волчий голос.

Только успел подумать: — Воют пока, значит, еще не добрались...

Тут разом вой оборвался. Тихо стало.

Прошел лесник еще вперед и стал.

Выстрелил. Потом еще. Слушал долго.

Тишь такая — прямо ушам больно.

Куда пойдешь? Темно. А итти надо.

Двинулся наугад. Что ни шаг, то лес гуще.

Стрелял, кричал. Никто не отвечает.

И опять, уж сам не зная куда, шагал, продирался по лесу.

Наконец, совсем из сил выбился, осип от крику.

Стал и не знает, куда итти: давно потерял, в какой стороне дом.

Пригляделся: будто огонек из-за деревьев? Или это волчьи глаза блестят?

Пошел прямо на свет. Вышел из лесу: чистое место, посреди него — изба. В окошке — свет.

Глядит лесник, глазам не верит: своя изба стоит! Круг, значит, дал в темноте по лесу.

На дворе еще раз выстрелил.

Нет ответа. И волки молчат, не воют. Видно, добычу делают. Пропал парнишка!

Скинул лесник лыжи, зашел в избу. В избе тулупа не снял, сел на лавку. Голову на руки уронил, да так и замер.

Жировушка на столе зачадила, мигнула и погасла. — Не заметил старик.

Мутный забелел свет за окошком.

Лесник поднялся. Страшный стал: в одну ночь постарел и сгорбился.

Сунул за пазуху хлеба краюху, патроны взял, ружье. Вышел на двор — светло. Снег блестит.

Из ворот тянутся по снегу две борозды от Егоркиных лыж.

Лесник поглядел, махнул рукой. Подумал:

— Если-б луна ночью может и отыскал бы парнишку по белотропу. Пойти хоть косточки собрать? А то — бывает же такое — может, и жив еще? ...

Приладил лыжи и побежал по следу.

Борозды свернули влево, повели вдоль опушки.

Бежит по ним лесник, сам глазами по снегу шарит. Не пропускает ни следа, ни царапины. Читает по снегу, как по книге. А в книге той записано все, что с Егоркой приключилось за ночь. Глядит лесник на снег и все понимает: где Егорка шел и что делал.

Вот бежал парнишка опушкой. В стороне на снегу — крестики тонких птичьих пальцев и острых перьев.

Сорок, значит, спугнул Егорка. Мыпковали тут сороки: кругом мышиные петли-дорожки.

Тут зверка с земли поднял.

Белка по насту прыгала. Ее след.

Задние ноги у нее длинные, следок от них тоже длинный. Задние ноги белка вперед за передние закидывает, когда по земле прыгает.

А передние ноги короткие, маленькие; следок от них точечками.

Видит лесник: Егорка белку на дерево загнал, там ее и стукнул. Свалил в снег с ветки.

— Меткий парнишка! — думает лесник. — Охулки на руку не положит...

Глядит: здесь вот Егорка подобрал добычу и дальше пошел — в лес.

Покружили, покружили следы по лесу — и вывели на большую поляну.

На поляне Егорка, видать, разглядывал заячьи следы — малики.

Густо натропили зайцы: тут у них и петли, и смётки-прыжки. Только Егорка не стал распутывать заячьи хитрости: лыжные борозды прямо через малики идут.

Вон дальше снег в стороне взрыхлен, птичьи следы и обгорелый пыж на снегу.

Куропатки это белые. Целая стая спала тут, в снег зарывшись. Услышали птицы Егорку, испорхнули. А он выпалил. Все улетели, одна имякнулась. Видно, как билась на снегу.

Эх! лихой рос охотник: птицу на лету валил. Такой и от волков отбиваться может, даром им в зубы не дастся.

Заторопился лесник дальше, сами ноги бегут-поспевают.

Привел след к кусту — и стоп! Что за леший? Остановился Егорка за кустом, толчется лыжами на месте, нагнулся — и рукой в снег. И в сторону побежал.

Метров сорок прямо тянется след, а дальше — колесить стал. Э! да тут звериные следы! Величиной с лисьи, а когти...

Что за диковина! Сроду такого следа не видывал: невелика лапа, а когтищи как гвозди!

Кровь на снегу: пошел дальше зверь на трех. Правую переднюю Егорка ему зарядом перешиб.

Колесит по кустам — гонит зверя.

Где уж тут было парнишке домой ворочаться! Подранка разве охотник бросит?

Только вот что за зверь? Больно здоровые когтищи! Тяпнет такими по животу из-за куста...

Парнишке много ли надо?

Глубже и глубже в лес лыжный след — сквозь кусты, мимо пней, вокруг поваленных ветром деревьев. Еще на корягу налетишь, лыжу поломаешь!

Эх, желторотый! Заряд, что ли, берег? Вот это место — за вывороченными корнями — и добить бы зверя. Некуда ему тут податься. А руками разве скорё возьмешь? Сунься к нему, к раненому! Обозленный-то и хомячишко в руки не дастся, а этот зверь, видать, тяжелый: дырря от него в снегу глубокие.

Мать честная! Да что-ж это: никак снег падает? Беда теперь: занесет след, тогда как быть?

Ходу! Ходу!

Кружит, колесит по лесу звериный след — за ним лыжный. Конца не видно.

А снег гуще, гуще.

Впереди — просвет. Лес пошел редкий, широкоствольный. Тут скорей еще следы засыпает, все хуже их видать, трудней разбирать.

Вот, наконец, догнал тут Егорка зверя! Снег примят, кровь на нем, серая жесткая шерсть.

Поглядеть надо по шерсти-то, что за зверь таковой? Только неладно тут как-то наслежено... На оба колена парнишка в снег упал...

А что там впереди торчит?

Лыжа! Другая! Узкие, глубокие ямы в снегу — бежал Егорка, проваливался...

И вдруг — спереди, справа, слева — наперерез — машистые, словно собачьи следы.

Волки! Настигли, проклятые!

Остановился лесник: на что-то твердое наткнулась его правая лыжа.

Глянул: берданка лежит Егоркина.

Так вот оно что! Мертвой хваткой схватил вожак за оуло, выронил парнишка ружье из рук, — тут и вся стая подоспела...

Конец! Взглянул вперед: хоть бы одёжи клочок подобрать!

Будто серая тень мелькнула за деревьями? И сейчас же оттуда — глухое рычанье и таяк, точно псы сцепились.

Выпрямился лесник, сдернул ружье с плеча, рванул вперед.

За деревьями, над кучей окровавленных костей, оскалив зубы и подняв шерсть, стояли два волка. Кругом валялись, сидели еще штук шесть.

Страшно вскрикнул лесник и, не целясь, выпалил сразу из обоих стволов.

Ружье крепко отдало ему в плечо. Он покачнулся и упал в снег на колени.

Когда разошелся пороховой дым, волков уже не было. Из снега торчали только окровавленные кости. Лесник закрыл глаза, чтобы не смотреть на них.

В ушах звенело от выстрела. И сквозь звон ему чудился жалобный Егоркин голос: — Тять!

Старик зачем-то снял шапку, открыл мутные глаза. Глаза уперлись в окровавленные кости. Хлопья снега падали на ресницы, мешали глядеть.

— Тять!.. — так внятно опять почудился тихий Егоркин голос.

— Егорушка! — простонал лесник.

— Сними, тять!

Лесник испуганно вскочил, обернулся...

На суку большого дерева, охватив руками толстый ствол, сидел живой Егорка.

— Сынок! — вскрикнул старик и без памяти кинулся к дереву.

Окоченевший Егорка мешком свалился на руки отцу.

Духом домчался лесник до дому с Егоркой на спине. Только раз пришлось ему остановиться: Егорка пристал, лепечет одно: — Тять, бердану мою подбери, бердану...

В печи жарко пылал огонь. Егорка лежал на лавке под тяжелой отцовской овчиной. Глаза его блестели, тело горело.

Лесник сидел у него в ногах, поил его горячим чаем с блюдечка.

— Слышу — волки близко, — рассказывал Егорка. — Сдрейфил я! Ружье выронил, лыжи в снегу завязил, бросил. На первое дерево влез — они уж тут. Скачут, окаянные, зубами щелкают, меня достать хотят. Ух, и страшно, тять!

— Молчи, сынок, молчи, родимый! Избыл лихо — забудь скорей. А скажи-ка, стрелок, что за зверя ты подшиб?

— А барсука, тять! Здоровый барсучище, что твоя свинья. Видал кости-то?

— Барсук, говоришь! А мне и невдомек!
И верно: лапа-то у него когтистая. Ишь, вылез
в какой холод, засоня! Спит он в мороз, редкую
зиму вылезет. Погоди вот — весна придет,
я тебе нору его покажу. Знатная нора! Лисе
нипочем такой не вырыть.

Но Егорка уже не слышал. Голова его свали-
лась на бок, глаза сами закрылись. Он спал.

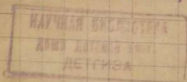
Лесник взял у него из рук блюдо, плотней
прикрыл сына овчиной и глянул в окно.

За окном расходилась метель. Сыпала, сыпала
и кружила в воздухе белые легкие хлопья —
равняла путанные лесные следы.

22904

10 коп.

46518

ОБЛОЖКА И РИСУНКИ
А. ГОНЧАРОВА.